

ради между философами верными спор есть о сем предании Аристотеля, не чтоб противники были вере сие предание отложившие, но острения ради разума своего, или яко они глаголют, с ограждением, аще б не вера иначе нас учила, не мощно разумом нашим довести, чтоб мир созданный был». ⁷⁴

Противопоставляя философию богословию, освобождая ее от роли «служанки теологии», Белобоцкий ставит «великую науку», понимаемую им как универсальный научный метод, выше богословия: «Которая мудрость о больших вещех вышшим и истиннейшим наставлением поучает, честнейшая протчих наук есть. Сицевая есть богословия примером до иных наук. Но не до сей нашей кабалистичней, понеже наша наука поучает тако же о бозе, яко же и богословия, аще естественными доводами, не по откровению духа святого ... А понеже поучает о бозе достоинстию равняется с богословиею: сверх того, понеже наставляет разум наш и о протчих художествах, нужнейшая богословии есть». ⁷⁵

Богословие вообще вызывает весьма критическое отношение со стороны Белобоцкого: «сколько голов, столько умов», говорит он о богословских спорах, «одно место тысящу толков имети может». ⁷⁶ Прямым следствием критического отношения к богословию является критика церковных порядков, «священного предания», споров между восточной и западной церковью. «Аз несмь судья никому», — заявляет он по поводу несогласия церквей, а в другом месте пишет более определенно: «Уложения церковныя яко часто разрешаются, пременяются, на конец и вовсе отменяются, ясно о том свидетельствуют восточная и западная церковь, об одноком артикуле веры, похождения духа святого, и седмерицею согласившися на соборах, и паки разнствуют». ⁷⁷

Современники никак не могли понять, каковы действительные религиозные воззрения Белобоцкого: его обвиняли и в «латинстве», и в «люторской», и в «кальвинской» ересьях. В сочинениях своих он не обнаруживает специфически кальвинистских или лютеранских убеждений; более того, он, несомненно искренне, стремится придерживаться православия. Однако главное его убеждение: следует прекратить церковные раздоры. Выше мы приводили взятые как из «Исповедания веры», так и из «Риторики» высказывания его о том, что и в католической, и в православной вере «спастися мощно». Это не униатство. Об объединении церквей в его сочинениях нет речи. Но он не признает еретиками ни католиков, ни православных.

Главное в религиозных убеждениях Белобоцкого — идея личного отношения человека к богу: верующий должен обратиться к той из церквей, к которой его «толцает дух святой». В этом сильнее всего проявилось воздействие на него реформационных учений.

Элементы рационалистической критики «священного предания» и даже «священного писания» нашли свое отражение в высказываниях и сочинениях Белобоцкого.

Так, он рассказывает о приведенных в приложении к сочинениям Беды Достопочтенного сивиллиных пророчествах: «Некто хитрец ложный сие положил под именем пречестнаго иерея Беды, и на пророчество сивилл, но историю давно прешедшую сказывал, немало время после Карла (в рукописи ошибочно: короля, — А. Г.) Великого, царя французского, цесаря

⁷⁴ Там же, л. 154.

⁷⁵ ГПБ, Ф. III. 1., л. 8 об.

⁷⁶ БАН, Арх., С-149, л. 290 об.

⁷⁷ Там же, лл. 192, 290 об.—291.